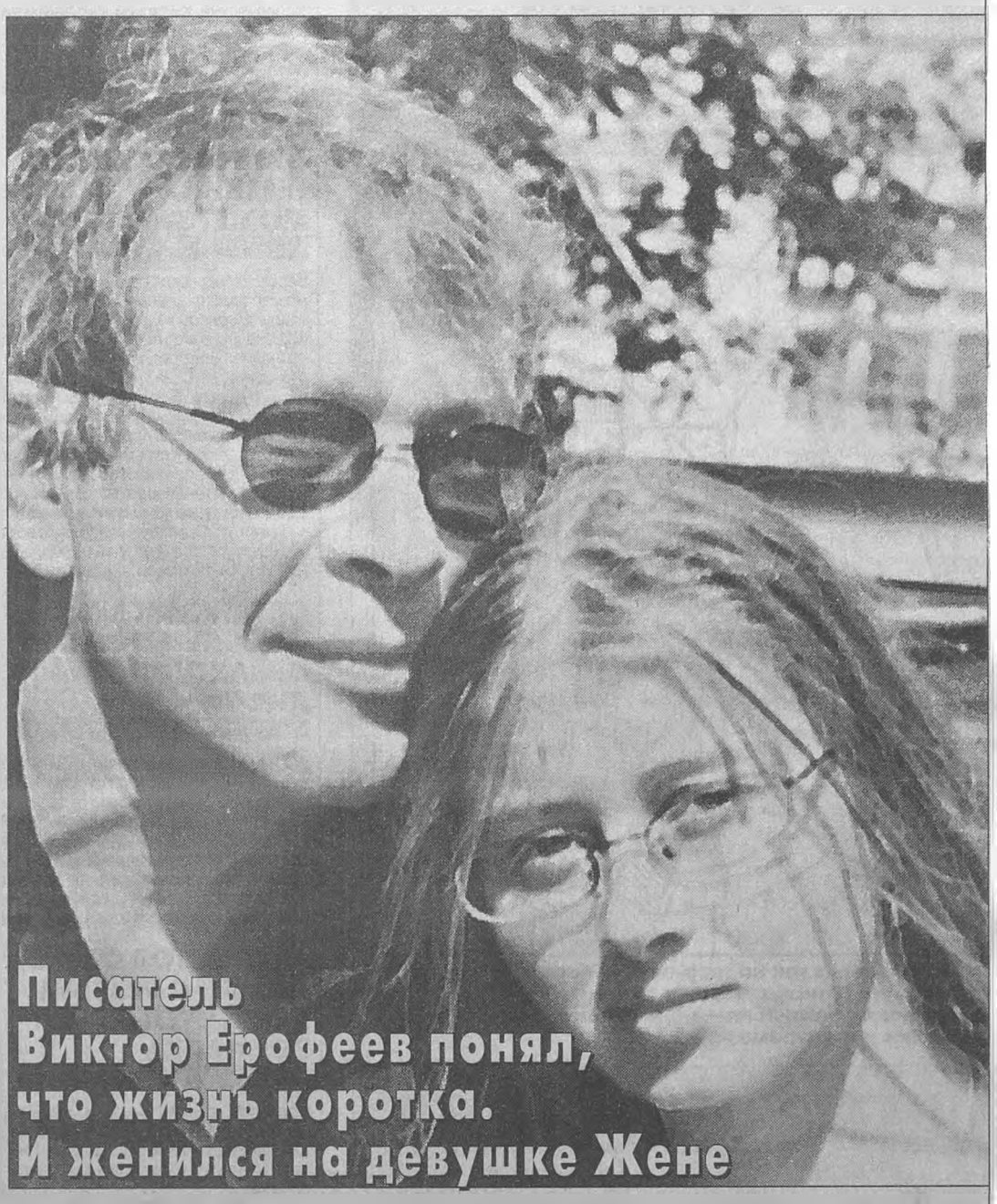
28.03.01

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

У нас даже любовь замешана на садизме

ПОСЛЕДНИЕ СУДОРОГИ РУССКОГО МАТА

С именем Виктора Ерофеева (род. 1947 г.) всегда пересекались понятия «эпатаж» и «скандал». Впрочем, в «постперестроечное» время накал страстей вокруг него поулегся. И вдруг недавно имя Ерофеева вновь замелькало на страницах газет. **Дело в том, что по его роману «Русская красавица» итальянский режиссер Чезаре Ферарио снял одноименную картину.** Критика приняла ленту в штыки, коллеги по перу выражали Ерофееву свои соболезнования, у московской публики она вызвала припадки гомерического хохота. **Тем не менее Ерофеев решил не снимать свое имя с титров. Мало того, на фестивалях он лично представляет фильм, стараясь указать верный ключ к пониманию этой работы.**



Писатель Виктор Ерофеев понял, что жизнь коротка. И женился на девушке Жене

Мила КУДРЯШОВА

На Гатчинский фестиваль «Литература и кино» Виктор Ерофеев прибыл с девятнадцатилетней спутницей, фотографом Женей Дюрер, которую назвал со сцены своей женой. Выглядел веселым, счастливым, чуть опьяненным от нахлынувших чувств. В этом блаженном настроении настиг писателя корреспондент «ВМ».

— В Гатчине, Виктор, с вами оказалось поговорить проще, чем в Москве, где вас застать совсем не просто. Ведь вы — гражданин мира?

— Я живу везде. До последнего времени полгода проводил в Москве, а полгода — где бог на душу положит. Я всегда очень много путешествовал, а потом выяснилось, что жизнь коротка. Остановился и подумал, что десятилетие пролетело вихрем. И если бы у меня не было железной привычки писать по ночам, то, наверное, ничего бы не сделал. Сейчас я решил «тормознуться» и обосноваться в столице. Хотя на самом деле, я не куда не переезжал. После моей скандальной диссидентской деятельности (*связанной с «неподцензурным» альманахом «Метрополь».* — **М.К.**), мой папа, посол Советского Союза в Австрии, возвращался в Москву, а меня должны были выгнать по схеме Солженицына на Запад. Уже был заготовлен необходимый документ. Но, видимо, Брежнев сказал: «Нам не нужны такие шахматы: отца сюда, а сына туда». И я остался здесь. Просидел в потемках лет восемь, пока Рейган в 88-м году не пригласил меня на ужин с Горбачевым. И вдруг за один вечер все переменилось. На следующий день мне позвонили из Союза писателей и спросили: «А почему вы не идете к нам, что вам мешает»?

— С какого года стали активно печататься ваши произведения?

— Реально с 88-го года. А в 89-м году произошло чудо: четырнадцать ведущих изданий в мире захотели «Русскую красавицу».

— Она лежала в столе почти 10 лет?

— Да, она была настоящей девственницей. За это время ее прочитало не более пятнадцати человек... Я боялся потерять своего ребенка, поэтому давал его в руки только верным людям. Потом «Красавица» попала во Францию и стала мировым бестселлером. Это история, которую бы я пожелал любому хорошему писателю... И через два-три года Голливуд загорелся этим проектом. На встрече в Лондоне меня попросили за пять минут рассказать, в чем суть «Русской красавицы», и я ответил: «Мне хватит трех!». И они сказали: «Все классно, мы сделаем этот фильм!» И на следующий день на моем столе лежал договор на пятьдесят страниц мелким шрифтом, где было сказано, что они выкупают роман за огромные нули, но им принадлежат все права на картину. У меня в тот момент был очень сильный агент в Нью-Йорке, который сказал, что «Русская красавица» сейчас на взлете и Голливуд может ее приглушить. Тогда люди будут помнить фильм, а роман останется в тени. И я отказался от Голливуда.

— Не жалеете?

— Нет. Конечно, когда случается недостаток в деньгах, приходит мысль: ну зачем отказался, это как нефтяные скважины в Техасе — сейчас качал бы да качал... Но потом появились итальянцы. Они просили роман чуть ли не на коленях, говорили, что дадут написать сценарий и выбрать актеров. Я подумал, что они «Красавицу» не убьют. Но итальянцы — это не Голливуд, у них не было таких нулей, поэтому на этот фильм деньги искали восемь лет. Мой режиссер Чезаре Ферарио благодаря «Русской красавице» женился на одной из самых богатых женщин Италии и на деньги жены сделал этот фильм.

— Вы сами признали, что фильм получился неудачным и Чезаре «убил» «Красавицу»...

— После московской премьеры, у меня начались какие-то сомнения насчет этого материала, но вдруг в Гатчине я вместе с народом посмотрел фильм и почувствовал, что их будоражит эта история. Вокруг меня сидели нормальные тетки, всхлипывали, волновались. Я допускаю, что этот фильм может неплохо состариться, и это просто будет миф, легенда о своем времени, «Кубанские казаки» восьмидесятых, если хотите. В нем есть неоспоримые достоинства. Он очень хорошо снят: над ним работал один из операторов Висконти. Там замечательно играют наши актеры: Аня Молчанова, Игорь Косталевский. Для меня же картина — испытание судьбы: отречься от этого или нет? Проходит какое-то время, и просто начинаешь ценить усилия людей, работающих с тобой и во имя твое. Это десятилетие — напалмовое выжигание всех ценностей. В следующем все будет ровно наоборот: маятник качнется в другую сторону. На высоте будут те, кто сдерживался и не говорил гадости о других. А что делал Чезаре? Он пытался понять Россию, хотел разобраться, что такое любовь, судьба. Но а если у него кишка тонка? Для меня это хороший опыт, он заставил меня задуматься над проблемой: где истина? Не в снобах, хотя с другой стороны — и не в народе. Так где же она? Это загадка, и это хорошо, что в нашей жизни еще остались загадки.

— Над чем сейчас трудится ваша мысль?

— Писатель не работает на уровне мысли. Он занимается тем, что перекачивает какую-либо книгу, написанную на небесах. Этот процесс не зависит от времени, системы и режима. Если у кого-то в голове есть принимающая антенна — он должен выполнить свое предназначение. Ты думаешь, что развитие идет у тебя, а на самом деле в тебя закладывают энные вещи. Чем я занимаюсь сейчас? Работаю над книжкой «Небо по колено», в которой хочу говорить если не о секретах любви, то о каких-то ее источниках. Планирую выпустить ее осенью. После «Русской красавицы» и «Страшного суда» будет третий роман под названием «Новая Москва» о новых временах. И, наверное, еще будет книжка, которую хотят опубликовать американцы. Это воспоминания о моих детских годах. Мой папа был переводчиком Сталина, я хорошо помню его рассказы об этой фантастической эпохе. Работа будет называться «Хороший Сталин».

— Когда речь заходит о ваших произведениях, часто возникает слово «эпатаж». Сознательно ли вы эпатируете публику?

— Это очень поверхностное понятие о моей работе. Приведу пример, который произошел с «Русской красавицей». Когда роман напечатали в Москве, был огромный скандал. Все посчитали, что это порнографическое произведение. Но в том же году роман стал бестселлером в Голландии. Там, на встречах с читателями мне говорили, что роман всем хорош, но мало секса и никакого эпатажа. Все зависит от «продвинутости» культуры.

— «Продвинутость» — это мат и подробное описание сексуальных сцен?

Если в Древней Греции в центре внимания был фаллос, то в двадцатом веке — женский орган.

— Я считаю, что шокирующие моменты нужны для того, чтобы постучаться в «подсознанку» читателя. Все шокирующие моменты — это трепанация черепа. Нужно один раз ударить, попасть и потом пройти. Эта операция может быть для кого-то болезненна, но, в принципе это коммуникация. Секс — это инструмент, чтобы войти в гораздо более важные сферы. Я не отрицаю, что сексуальные отношения — очень важный элемент жизни, но не доминирующий, даже в любви, уже не говоря об отношениях с небом и с землей. Очень перегрели сексом в двадцатом веке, поэтому я думаю, что сейчас будет откат от этой темы. В «Страшном суде» писатель пишет книгу под названием «ВП» «Верх п...ды», XX век действительно был таким верхом. Если в Древней Греции в центре внимания был фаллос, то в двадцатом веке — женский орган. Возьмем живопись, начиная с XIX века: сначала были плечи, потом грудь, потом все ушло в низ живота. Это было взрывное открытие. Но потом так потоптались на этом месте, так его притоптали, что пора куда-то уйти. Есть много некопанных мест в литературе. Также думаю, что на наших современниках закончится русский мат. Бранные слова настолько часто повторяются, что выглядят как слово «трава» или «сахар». Это последние судороги русского мата. За тысячу лет мы не могли с ним справиться, а тут пришло наше поколение — и все исправило. Мы живем не только в эпоху перехода России из одной цивилизации в другую, но и в эпоху очень важной лингвистической эволюции. Может быть, жалко этого керосина — этот русский мат, потому что он был всегда поджигающим, но он уйдет... Когда прогорят все запретные темы, в конце концов останутся вопросы: что такое любовь, что такое смерть, что такое талант, почему блестят глаза. Простые, но самые главные вещи.

— По сложившейся у нас традиции писателей начинают ценить после их ухода или отъезда...

— Это болезненная проблема русской культуры, потому что в ней очень много агрессивности, зависти и ревности. Вот, например, рядом сидит Женя, у нее уже пять личных выставок... И все бывшие приятели отвернулись от нее. Но почему бы не прийти в гости с шампанским, порадоваться, что у девчонки успех? Так нет же! Мы еще не вытеснили из себя самый примитивный садизм — незаметно унизить человека. У нас даже любовь замешана на садизме. Русский секс очень сильно связан с унижением того и другого пола. Нам нужно изживать из себя очень много дряни — хорошо промыться хозяйственным мылом перед тем, как пользоваться всякими гелями для душа.

— Что связывает вас и девушку Женю Дюрер, таких непохожих?

— Мы — парадоксальная пара из разных поколений. Она умная, самостоятельная, с норовом, очень трудная девчонка. И этим она интересна. А не тем, что на фотографиях можно разглядеть ее прелести. И вот в этом сила — мы похожи, потому что очень разные. Отсюда возникают напряжение, энергия, наши споры и беседы. Она только стартует, ищет свой стиль. Как только я пытаюсь ей помочь, она начинает на меня рычать. Она ненавидит, когда я ей что-то советую. Сразу же меня посылает. Безжалостна. Иногда я помогаю ей придумать названия для фотографий. Женя сначала не соглашается, а потом где-то втайне записывает. Я думаю, что из нее действительно что-то получится. Говорю это не как близкий человек, а просто потому, что иначе она бы меня не заинтересовала.

— Что напоследок?

— От тоски собачьей хотим с Владимиром Хотиненко сделать театральную постановку «Русской красавицы». А так... У меня все есть, мне нужно сидеть и заниматься своим делом, и чтобы у нас с Женькой все было хорошо, а остальное — не имеет большого значения.

296